

(XIX, 5) РР

Библиотека
Илья Степановича
Романова,
ОГД. 13
г. Иркутск.

ИЗВѢСТИЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО Русского
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею правителя дѣлъ.

— — — — —
Т О М Ъ Х I X .

№ 5.

90

1948

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.		Стр.
Н. Н. Сабуровъ. Объ омуль и рыбопромышленности на Байкаль	1	М. В. Пихтинъ. Якутская пушная ярмарка 1888 г.	46
В. К. Златковскій. Геологическая развѣдки въ Иркутской губ.	43	Путешествіе Юнгебэнда изъ Пекина въ Кашмиръ	48
Попытки установить сношенія съ Сибирью съвернымъ морскимъ путемъ	45	Дѣйствія Восточно-сибирского Отдѣла съ 9 іюля по 5 ноября 1888 г.	59
		Приложение: К. А. Яковлева.	
		Библіографія В. И. Вагина . .	83

Музей Отдѣла открытъ по воскресеньямъ съ 11 ч. у. до 2 ч. пополуд. Библіотека Отдѣла открыта по средамъ вечеромъ съ 5^{1/2} ч. до 9.

Иркутскъ.

Печатано въ типографіи газеты „Восточное Обозрѣніе“

1889.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО

ОБЪ ОМУЛЬ И О СОСТОЯНИИ РЫБОПРОМЫШЛЕННОСТИ НА БАЙКАЛѢ.

Сообщеніе Н. Н. Сабурова въ соединенномъ отдѣленіи математической и физической географіи Восточно-сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества 8 апрѣля 1888 г.

По изслѣдованіямъ Дыбовскаго въ Байкалѣ водится 21 видъ рыбъ. По отношенію къ рыбной промышленности ихъ можно раздѣлить на три группы. Первую составляютъ рыбы, неимѣющія никакого значенія въ рыбопромышленности, сюда можно отнести бычковъ или подкаменщиковъ, по просту широколобокъ, описанныхъ Дыбовскимъ въ числѣ шести видовъ (*Cottus Grewingkii* Dub., *C. Kesslerii* Dub., *C. Knerii*, *C. Godlewskii* Dub., *C. Jeittelesii* Dub. и *C. baicalensis* Dub.), голомянку (*Comerhorus baicalensis* Pall.), единственную рыбу глубокихъ мѣстъ Байкала, ельца (*Squalius baicalensis* Dub.), гальяна (*Phoxinus rivularis* Pall.) и выюна (*Cobitis taenia* Linn), всего десять видовъ. Вторую группу составляютъ: окунь (*Perca fluviatilis* Linn.), налимъ (*Lota vulgaris* Cuv.), язь (*Idus melanotus* Heck.), сорога (*Leiciscus lacustris* Pall.), сигъ (*Coregonus baicalensis* Dub.), ленокъ (*Salmo coregonoides* Pall.), таймень (*Salmo fluviatilis* Pall.), щука (*Esox Reichertii* var. *baicalensis* Dub.) и осетръ (*Sturio Baeri* Brandt.), — всего девять видовъ. Значеніе этихъ рыбъ въ рыбной промышленности на Байкалѣ ограничено, частію по незначительности спроса на нихъ, что касается сороги, напр., частію по малой ихъ распространенности въ Байкалѣ, сравнительно съ рыбами третьей группы, которую составляютъ омуль (*Coregonus omul* Pall.) и хайрюзъ (*Thymallus Grubii* var. *baikalensis* Dub.). Омуль въ соленомъ видѣ, а хайрюзъ въ свѣжемъ —

составляютъ главный продуктъ рыбопромышленности на Байкалѣ. Хайрюзъ менѣе требователенъ въ пищѣ, чѣмъ омуль, онъ можетъ питаться и бокоплавами, обыкновенными ракообразными байкальскихъ водъ, болѣе крѣпокъ и силенъ, чѣмъ омуль, все это обусловливаетъ и болѣе обширную область его распространенія въ Байкалѣ сравни-тельно съ омулемъ. Близостю Иркутска, главаго мѣста сбыта хай-рюза, отъ Лиственичнаго и его окрестностей, главныхъ мѣстъ ловли его, можно объяснить то, что хайрюзъ идетъ въ торговлю преиму-щественно въ свѣжемъ видѣ. Съ другой стороны, соленый омуль можетъ долѣе сохраняться, чѣмъ свѣжій хайрюзъ, поэтому область сбыта омуля далеко обшириѣе, чѣмъ хайрюза, вслѣдствіе этого омуль далеко популярнѣе. Добываніе его обставлено всѣми данными широ-каго промысла, его преимущественно и будетъ касаться дальнѣйшее изложеніе моего сообщенія. Дешевизна и обиліе омуля пришлись какъ нельзя болѣе кстати въ прибайкальской странѣ, вообще не-богатой разнообразiemъ пищевыхъ веществъ. Употребленіе омуля рас-пространено преимущественно среди жителей, прилегающихъ къ Бай-калу округовъ: Верхоленскаго, Иркутскаго, Баргузинскаго, Селенгин-скаго и Верхнеудинскаго. Ограниченнѣе потребленіе омуля въ другихъ округахъ Прокутской губерніи и Забайкальской области, потому что цѣнность рыбы по мѣрѣ увеличенія разстоянія возрастаєтъ. Въ Нер-чинскѣ, напр., омуль по своей дороговизнѣ доступенъ только для людей достаточныхъ, тогда какъ въ большей части селеній перечи-сленныхъ кругобайкальскихъ округовъ населеніе отъ послѣдняго бѣдняка до первого богача считаетъ омуля однимъ изъ самыхъ не-обходиимыхъ блюдъ своего стола. Доступность омуля для простаго народа въ послѣднее время поколебалась,— омуль начинаетъ кусаться, говорить простой народъ, видя, что постоянно возрастающая цѣн-ность омуля не совсѣмъ-то соотвѣтствуетъ скромнымъ заработкамъ рабочаго люда. Съ другой стороны, и съ Байкала идутъ слухи о неуловахъ омулей. По этому поводу возникли какъ въ средѣ обще-ства, такъ и мѣстной администраціи разнообразные вопросы.

Съ цѣлію выясненія различныхъ данныхъ относительно жизни омуля и его добыванія, мною на средства В.-с. Отдѣла И. Р. Географического Общества было сдѣлано лѣтомъ 1886 года иѣсколько поѣздокъ на Байкалъ. Такъ, въ концѣ іюня я посѣтилъ Ольхонскую ярмарку, въ половинѣ іюля — Каргу около Посольска, въ первой половинѣ августа — Чертовкинскую ярмарку, а въ концѣ сентября — Култукъ. Данныя, собранныя мною при этихъ поѣздкахъ, а также и литературные источники, какие имѣются по этому вопросу, послужили материаломъ для моего сообщенія. Оставляя въ сторонѣ перечисленіе признаковъ, по которымъ омуль выдѣляется изъ рода сиговъ, семейства лососевыхъ рыбъ, куда относитъ его систематики, я обращаю вниманіе на его название, затѣмъ сообщу о распространеніи омуля вообще и въ частности въ Байкалѣ, о времени и мѣстахъ ловли, о соленіи его и о количествѣ общаго улова, затѣмъ о значеніи рыбопромышленности для мѣстныхъ жителей посѣщеныхъ мною селеній, потомъ перейду къ изложенію обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ обѣ уменьшениіи запаса омуля въ Байкалѣ и къ изложению причинъ, вызвавшихъ это явленіе.

Мѣстные бурята для всѣхъ рыбъ, водящихся въ Байкалѣ, имѣютъ свои названія, только омуль у нихъ называется также какъ и у русскихъ; это дало поводъ предполагать, что русскіе заимствовали название омуля у бурятъ. Но такое предположеніе ошибочно. Въ практикѣ рыболовства и судоходства на Байкалѣ существуетъ много словъ, встречающихся также на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи; такъ, названія вѣтровъ: морянка, побережникъ, шалоникъ, глубникъ, обѣдникъ, обѣтонъ; затѣмъ рыболовные термины — сурпа, задѣва, заколъ и другія, кромѣ того, такія слова, какъ — голомянный, карга, а также помимо словъ, рыболовныя артели, рыболовныя орудія, и самыя бочки, служащія для засола омулей и напоминающія собою ижемки и мезенки, — все это указываетъ на то, что рыболовство заведено на Байкалѣ русскими, прибывшими сюда съ сѣвера Европейской Россіи и установившими способы соленія рыбы,

рыболовныя орудія, постройку судовъ и лодокъ на тотъ образецъ, какой они употребляли или видѣли у себя на родинѣ по берегамъ Ледовитаго океана и по его притокамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они же, безъ сомнѣнія, установили название для Байкальскаго тюленя — иерпа, и для омуля. То и другое животное служить предметомъ промысла на сѣверѣ Архангельской губерніи. Такимъ образомъ отечество слова «омуль» слѣдуетъ искать въ сѣверной части Европейской Россіи.

Что касается бурятъ, то они заимствовали рыболовство у русскихъ. До сихъ поръ они не привыкли къ употребленію рыбы такъ, какъ русскіе. Случается, разсказывали мнѣ, что бурять и при уловѣ рыбы предпочтеть иной разъ сѣсть молодаго баклана, котораго ловко убиваетъ камнемъ. Въ бытность на Ольхолѣ, я видѣлъ что артель бурять, ловившая рыбу, ужинала не рыбою, а сухарями, которые были разварены въ артельномъ котлѣ на подобіе каши, причемъ на всю артель въ 12—14 человѣкъ было положено въ эту кашу всего два омуля, между тѣмъ рыбу бурята продавали всего по 2 к. за штуку, а за сухари платили по 4 р. с. за пудъ. Рыбу они ёдятъ вообще рѣдко и ловятъ ее только на продажу и, конечно, пока у Байкала не было русскихъ, бурята за неимѣніемъ сбыта рыбы, рыболовствомъ не занимались и русскимъ отъ нихъ перениматъ было нечего.

Омуль кромѣ Байкала водится въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, изъ него онъ входитъ осенью для метанія икры въ рѣки Европейской Россіи — Мезень и Печору, а также въ иѣкоторыя изъ рѣкъ Сибири. Такъ, по свѣденіямъ, сообщеннымъ Миддендорфомъ, омуль заходитъ въ Колыму до полярного круга, въ Енисей до 61° широты, въ Ленѣ-же, во время Миддендорфа «омуля ловили въ значительномъ количествѣ около Якутска». Кромѣ того, по Палласу омуль встрѣчается въ озерѣ Маджарѣ, сообщающемся чрезъ рр. Тубу и Амыль съ Енисеемъ. Такимъ образомъ, омуль имѣть довольно обширное распространеніе, конечно, ближайшія изслѣдованія укажутъ, быть можетъ, на существованіе разновидностей среди столь распространен-

ной формы, тѣмъ болѣе, что даже и въ Байкалѣ можно отличить нѣсколько породъ омуля.

Въ Байкалѣ омуль водится не вездѣ: вдоль сѣверо-западнаго берега отъ Лиственичнаго селенія до Култука и въ другую сторону до Ольхона омуля нѣть, точно также и отъ Малаго моря къ сѣверу почти до Кичеры; на юго-восточномъ берегу омуль встрѣчается также не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ, больше его около устьевъ рѣкъ: Баргузина, В. Ангары, Чивиркуя и Селенги. Причину этого различія между сѣверо-западнымъ и юго-восточнымъ берегами Паллазъ предполагалъ видѣть въ томъ, что стада первыхъ омулей, войдя въ Байкалъ изъ Нижней Ангары и чувствуя теченіе воды въ немъ отъ большихъ его притоковъ, устремились противъ этого теченія и выметавъ икру въ В. Ангарѣ, Баргузинѣ и Селенгѣ, оставили послѣдующимъ поколѣніямъ склонность приваливать болѣе къ юго-восточному берегу. Далеко правильнѣе однакоже искать причину отсутствія омулей вдоль большей части сѣверо-западнаго берега въ физическихъ свойствахъ этого бассейна. Вскрытия омулей, произведенныя мною, показали что омули, какъ и нѣкоторые другие виды рыбъ, питаются въ Байкалѣ преимущественно мельчайшими ракообразными изъ группы *Entomostreaca*, которая для своего развитія требуютъ разлагающихся органическихъ веществъ, а таковыя конечно могутъ быть доставлены въ Байкалѣ рѣками; въ этомъ случаѣ благопріятнѣе для жизни омуля юго-восточные берега озера, потому что рѣки, впадающія въ Байкалъ съ этой стороны, самые большиe притоки его и приносятъ въ него атмосферные осадки съ огромной площади, захватывающей часть Монголіи и половину Забайкальской области, тогда какъ сѣверо-западные притоки незначительны по своей величинѣ и приносятъ самое незначительное количество органическихъ веществъ, такъ какъ собираются сравнительно съ небольшой площади неширокаго склона прибрежныхъ горъ. Значительная глубина прибрежныхъ мѣстъ вдоль сѣверо-западнаго берега также не благопріятствуетъ жизни омуля, озеро здѣсь глубоко и то незначительное количество органическихъ

веществъ, какое приносится притоками этой стороны, падаетъ на глубину едвали доступную омулю. Вдоль съверо-западнаго берега только Малое море и берега Ольхона представляютъ исключение, благопріятное для жизни омуля. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, что здѣсь много неглубокихъ заливовъ, которые и служать мѣстомъ пребыванія омуля, а также и ловли его и, во-вторыхъ, отъ обиа пищи въ этихъ заливахъ, накопленію которой благопріятствуетъ система лугового хозяйства бурятъ; сънокосныя мѣста ихъ, такъ называемые утуги, расположены обыкновенно въ падахъ и низкихъ мѣстностяхъ около текучей воды,—ручья, ключа или небольшой рѣчки, запруженая воду въ нихъ, бурята орошаютъ свои покосы, которые кромѣ того обильно удобряются пометомъ домашнихъ животныхъ, тщательно скопляемымъ съ этимъ назначеніемъ въ хозяйствѣ бурятъ; часть этого-то удобренія сносится въ Байкалъ задерживаемою для орошенія водою и даетъ то начало, которое развиваетъ циклоповъ и другихъ мелкихъ раковъ, питающихъ омуля.

Въ жизни омуля слѣдуетъ отмѣтить два періодическихъ явленія, имѣющихъ значеніе въ его ловлѣ—это привалы омуля къ берегамъ и рунный ходъ его въ рѣки для метанія икры. Поэтому и самый промыселъ распадается на два періода: лѣтній, иначе морской т. е. въ самомъ Байкаль, и осенній — рѣчной, во время хода омуля въ рѣки.—Для существованія въ томъ или другомъ мѣстѣ берега Байкала ловли омуля необходимо совпаденіе двухъ условій: берегъ долженъ быть удобенъ для неводьбы, такъ какъ главный снарядъ при ловлѣ неводъ; тамъ, где есть на днѣ большіе камни или карчи, тамъ, где дно обрывисто, или где далеко въ Байкалъ идутъ отмели—промыселъ неводомъ невозможенъ, другое обстоятельство,—это то, чтобы удобное для неводьбы мѣсто лежало на пути кочевокъ омулей т. е. где омули подходятъ къ берегу. Такихъ мѣсть въ Байкалѣ одинакоже немного сравнительно съ протяженіемъ береговой линіи, поэтому-то некоторые промышленники, преимущественно изъ мѣстныхъ жителей, примѣняютъ другой снарядъ для ловли—сѣть, кото-

рою можно ловить и не стысняясь устройствомъ дна и также разсто-
яниемъ отъ берега, лишь бы только попасть на мѣсто, богатое
рыбою. Удобныя мѣста для морскаго промысла неводомъ находятся
обыкновенно невдалекѣ, сравнительно съ даивою всей береговой
лини Байкала, отъ устьевъ той или другой рѣки. Такъ, въ предѣ-
лахъ Баргузинскаго округа Забайкальской области около рѣкъ В.
Ангары и Кичеры лежать рыболовныя мѣста въ Догарской и Душка-
чанской губахъ и между ними въ мѣстности называемой Ярками;
около р. Сосновки, около Чивиркуя—Чивиркуйская губа, иначе Кур-
гуликъ или Курбуликъ; около р. Баргузина: направо Макарово и
Поливная Карга (въ 19 в. длиною), на лѣво—Сиговая и Максимиха
(около почтовой станціи того-же имени), Песчаная Карга, около
Горячинскаго селенія. Въ предѣлахъ Селенгинскаго округа на право
отъ устья Селенги—Сухая, противъ самыхъ устьевъ, раскинувшихся
верстъ на 30, промышляютъ сѣтями и налѣво отъ устья—Бабья
Карга, а затѣмъ Прорва, около залива Сора, южнѣе Посольска. Въ
Иркутскомъ округѣ—около р. Кулгукъ. Въ Верхоленскомъ округѣ—
около острова Ольхона. Не всѣ перечисленныя мѣста имѣютъ оди-
наковое достоинство какъ по количеству улова, падающаго на каж-
дый неводъ, такъ и по величинѣ своей т. е. по числу неводовъ,
какое можетъ быть поставлено на извѣстномъ мѣстѣ. Эти два обсто-
ятельства обусловливаютъ арендную стоимость того или другого
мѣста. Такъ, Поливная Карга арендуется за 7000 р. въ годъ у
Иркутскаго Архіерейскаго дома, тамъ становится до 13 неводовъ
(по Кирилову) Прорва, принадлежащая Иркутскому Вознесенскому
монастырю, арендуется за 2,000 р., Догарская губа арендуется за
3,100 р. (по Кирилову). Култуцкіе крестьяне отдаютъ въ аренду
часть берега, принадлежащаго имъ, за 280 р. въ годъ, здѣсь ста-
новится 2 невода. Котцы, мѣсто для одного невода (близь Посольска),
арендуется за 375 р. съ разными привилегіями въ видѣ сухихъ
и дѣйствительныхъ паевъ для Посольскаго монастыря, который вла-
дѣеть этимъ мѣстомъ. Крестьяне селеній Посольскаго, Истокскаго,

Степно-Дворецкаго и Большерѣчинскаго, владѣюшіе Бабьею Каргой, отдаютъ тони на особыхъ условіяхъ—они получаютъ по пяти рублей съ каждого пая рыболовной артели, промышляющей неводомъ. Около Ольхона производить ловлю бурята Ольхонскаго вѣдомства, безъ всякой аренды, уплачивая только въ пользу своей Думы по 30 к. съ каждого боченка соленой рыбы и по 15 к. съ каждого лагуна. Перечисленными мѣстностями не ограничиваются мѣста ловли омуля въ Байкалѣ вообще, небольшіе уловы получаются и въ иѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ юго-восточнаго берега, а частію и съверо-западнаго къ съверу отъ Ольхона, но эти уловы незначительны. Однакоже по большому протяженію береговой линіи Байкала и мало-изслѣдованности ея нельзя не предполагать, что и между ними не найдется еще удобныхъ и выгодныхъ для неводѣбы мѣстъ.

Какъ только Байкалъ очистится ото льда, омули приваливаютъ къ берегамъ, на этомъ основанъ ловъ омуля въ продолженіи лѣта до августа. Омули этого промысла различаются по своему наружному виду, а также и вкусу. Съ тоней около Селенги: Прорвы, Бабѣй Карги и Сухой, омулей называютъ каргинскими, выловленные около устьевъ Селенги сѣтями, называются сѣтовыми, они крупище каргинскихъ, по ту и другую сторону р. Баргузина ловятъ омулей баргузинскихъ — лѣтнихъ, это самые мелкіе омули, изъ Нижне-Ангарска привозятъ омулей ангарскихъ лѣтнихъ, а съ Ольхона — богульдейку. Около 20 іюля или 1 августа лѣтній промыселъ кончается и промышленники ожидаютъ руннаго хода омуля въ рѣки. Около Селенги въ это время происходитъ такъ называемый хищническій промыселъ сѣтями, промыселъ запретный, недозволенный правилами рыболовства на Селенгѣ. Въ концѣ августа, а то и въ сентябрѣ, омули появляются въ рѣкахъ, въ благопріятномъ случаѣ они идутъ въ такомъ количествѣ, что случалось въ одну тоню вынимать ихъ десятками тысяч; впрочемъ, такие уловы отошли уже въ область преданій—нынѣ рѣчные уловы очень скромны. Рѣчные омули также неодинаковы: селенгинскіе крупище ангарскихъ, чивиркуйскіе—самые круп-

ные. Кроме лѣтняго и осеннего промысла омуля, существует и зимній промыселъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, промышляютъ преимущественно ольхонскіе буряты и нѣкоторые крестьяне. Это очень тяжелый промыселъ, потому что приходится тратить много времени на приготовительную работу—заготовку прорубей. Существование этого промысла указываетъ на то, что омули не ложатся на ямы въ зимнее время и не уходятъ на глубину, а вѣроятно кочуютъ также, какъ и лѣтомъ на неглубокихъ мѣстахъ, откуда и становятся добычей рыбаковъ.

Различіе въ сортахъ омулей можно отчасти объяснить существованіемъ въ Байкалѣ нѣсколькихъ разновидностей омуля, отчасти видѣть основаніе этого различія въ возрастѣ, въ которомъ ловятся омули, такъ, напр., каргинскій омуль, ловимый около Посольска и на Сухой Каргѣ, къ сѣверу отъ Селенги, есть тотъ-же селенгинскій, только еще недостигшій того возраста, въ какомъ онъ идетъ въ Селенгу для метанія икры; разница во времени небольшая — всего два-три мѣсяца, но въ наружности — значительная, предъ временемъ метанія икры омуль получаетъ особыя украшенія въ видѣ королькообразныхъ бугорковъ изъ эпителія, расположенныхъ вдоль тѣла 6 — 7 рядами. Тоже соотношеніе можно видѣть въ ангарскихъ омуляхъ лѣтняго и осеннего улова. Можно принимать по крайней мѣрѣ четыре разности омуля: Ангарскую, Чивиркую, Баргузинскую и Селенгинскую. Каждая изъ этихъ разностей ловится въ опредѣленныхъ областяхъ. Область Селенгинской разности всего обшириѣ, по всей вѣроятности ольхонскій омуль относится къ этой-же разности. Каждая разность придерживается той или другой рѣки, воды которой и служатъ мѣстами размноженія для нея. Такъ, ангарскіе омули идутъ по осени для метанія икры въ В. Ангару, Селенгинские — въ Селенгу, Чивиркую — въ рѣки, впадающія въ Кургуликъ и близъ него. Размноженіе баргузинскихъ омулей безъ сомнѣнія находится въ связи съ рѣкою Баргузинъ; хотя обѣ этой рѣкѣ известно, что въ нее не бываетъ руниаго хода омулей, но быть

можетъ, омули входятъ въ нее для метанія икры въ разсыпную, а не руномъ, быть можетъ, входитъ во время ледохода, когда никто рыбной ловли не производить, следовательно появление ихъ въ рѣкѣ ускользаетъ отъ вниманія рыбаковъ. Такія предположенія имѣютъ за себя иѣкоторыя данныя, точные же свѣденія можно получить на мѣстѣ у баргузинцевъ.

Обыкновенный способъ приготовленія омуля—соленье. Для получения хорошаго продукта этимъ способомъ заготовленія требуется соблюдение многихъ условій — чистота посуды, опрятность чистки рыбы и самого соленія и хорошее качество соли. Вообще относительно приемовъ соленія омуля едвали можно сдѣлать какіе либо упреки промышленникамъ или видѣть въ этомъ причину неудовлетворительности соленыхъ омулей. Что-же касается соли, то, мнѣ кажется, она обусловливаетъ тотъ специфический вкусъ, какимъ отличаются соленые омули и къ которому такъ неблагосклонно и даже презрительно относятся непривыкшіе къ нему люди. Свѣжій омуль имѣть прекрасный вкусъ, тоже и копченый, соленый же, особенно побывшій въ соли иѣсколько мѣсяцевъ, теряетъ свои хорошия качества; только осеннаго засола, когда дѣйствіе соли парализуется холодомъ, омули долго сохраняютъ свой хороший вкусъ. Для соленія омуля употребляютъ соль почти исключительно усольскую. Сравнивая анализы поваренной соли изъ различныхъ соляныхъ источниковъ Восточной Сибири, произведенные въ Иркутской золотославочной лабораторії, можно ясно видѣть особенность состава усольской соли: въ ней весьма значительно содержаніе сѣрнокислыхъ кали, натра и извести, доходящее въ иѣкоторыхъ анализахъ до $6\frac{1}{2}\%$, а известно, что сѣрнокислые соли могутъ возстановляться органическими веществами и давать сѣрнистые металлы, которые въ свою очередь легко при дѣйствіи воды и углекислоты даютъ сѣроводородъ, обладающей запахомъ гнилыхъ яицъ. Вотъ въ этомъ-то по всей вѣроятности и заключается истинная причина неудовлетворительности соленыхъ омулей.

Переходя къ исчислению количества улововъ омуля, я долженъ сказать, что судить объ этомъ вопросѣ приходится, за неимѣніемъ

точныхъ статистическихъ данныхъ, приблизительно. Пежемскій въ началѣ пятидесятыхъ годовъ исчислялъ уловъ омуля въ 4,000 бочекъ, но это исчисленіе едва ли вѣрно. На ошибочность его указываетъ сопоставленіе цифръ, приводимыхъ самимъ-же Пежемскимъ въ его статьѣ «Рыбная производительность Байкала». Такъ, онъ говоритъ, что въ сороковыхъ годахъ только въ рѣкахъ В. Ангарѣ, Селенгѣ и Баргузинѣ добывали около 10,500 бочекъ, неужели такое большое колебаніе въ уловахъ могло быть въ такой короткій промежутокъ времени? Кромѣ того, уловъ омуля, выраженный въ бочкахъ, не можетъ служить для сравненія съ уловами нынѣшняго времени, такъ какъ прежде бочки дѣлались почти въ двое больше, чѣмъ тѣ боченки, въ которые солятъ рыбу въ настоящее время. Въ недавнее время врачъ Кириловъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отдѣла» оцѣнку улова омуля, исчисляя его въ 7,500 боченковъ. Но и эта цифра едвали близка къ истинѣ,— какъ разъ за тотъ-же годъ, въ который г. Кириловъ собиралъ свѣденія, а именно за 1885 годъ, имѣются данныя въ «Извѣстіяхъ Иркутской Городской Думы», откуда видно, что въ 1885 году въ Иркутскѣ ввезено 8,000 боченковъ. Руководствуясь этою послѣднею цифрою, болѣе другихъ, помянутыхъ выше, заслуживающе довѣрія, можно опредѣлить и весь уловъ омуля въ Байкалѣ. Кромѣ Иркутска омуль сбывается въ Верхоленскій округъ съ Ольхонской ярмарки, куда идетъ не менѣе 400 боченковъ, и по Забайкальской области; по свѣденіямъ Пежемскаго сбыть по Забайкалью составляетъ третью часть сбыта въ Иркутскій округъ (въ предѣлы котораго въ то время входилъ и Верхоленскій округъ). Принимая это отношеніе существующимъ и понынѣ, мы должны предположить, что по Забайкальской области омуля сбывается около 2,800 боченковъ; слѣдовательно весь ежегодный сбытъ омуля равняется 11,200 боченкамъ, что по существующимъ цѣнамъ оптовой торговли дасть 560,000 рублей (по 50 р. боченокъ), а въ розничной продажѣ эта цифра удвоится.

Рыболовство не составляет исключительного занятия прибрежныхъ жителей на Байкалѣ. Обиліе земель, находящихся въ распоряжениіи тѣхъ немногихъ селеній, какія есть на Байкалѣ, несетъ обильную дань ихъ владѣтелямъ; тѣкъ, пушные звѣри въ лѣсахъ, кедровники, дающіе иногда очень богатые сборы кедровыхъ орѣховъ, самій лѣсь, сплавомъ котораго занимаются даже жители Култука, горныя травы, обуславливающія занятіе скотоводствомъ, какъ на Ольхонѣ и его окрестностяхъ, плодородная почва, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дельты р. Селенги—все это въ различныхъ мѣстахъ и въ различной степени даетъ жителямъ достаточно средствъ для безбѣднаго существованія. Съ другой стороны, оживленность сношеній между Иркутскимъ и Забайкальскимъ берегомъ, даетъ немало заработковъ жителямъ нѣкоторыхъ селеній въ видѣ судостроенія, извозчества въ зимнее время и судоходства лѣтомъ. Не смотря на такое разнообразіе условій жизни въ прибайкальскихъ селеніяхъ, рыболовство во всякомъ изъ нихъ имѣеть болѣе или менѣе значительное развитіе.

Селеніе Лиственичное, расположеннное на узкой прибрежной полосѣ при выходѣ изъ Байкала р. Ангары, не имѣеть въ свое распоряженіи достаточнаго количества пахатной земли даже для огородовъ, вслѣдствіе чего земледѣліе здѣсь почти несуществуетъ, но положеніе селенія при началѣ пути чрезъ Байкалъ даетъ большія выгоды его жителямъ, а близость къ Иркутску представляетъ возможность легко и скоро сбывать продукты рыболовства свѣжаго хайрюза. Съизмалѣтства привыкая къ Байкалу и рыболовству, многіе изъ жителей уходятъ на промыселъ за омулемъ, нанимаясь въ качествѣ башлыковъ, т. е. распорядителей неводныхъ артелей, къ крупнымъ рыбопромышленникамъ, для которыхъ Лиственичное селеніе составляетъ главную пристань, отсюда весною они отправляются на своихъ судахъ за омулемъ, сюда-же они собираются осенью, закончивъ промыселъ.

Култукъ, находящійся при юго-западномъ окончаніи Байкала, не имѣеть близкаго мѣста сбыта для рыбы, за то рыба здѣсь даетъ

насущное пропитаніе жителямъ. Раннею весною, когда здѣшніе крестьяне живутъ только кирничнымъ чаемъ да картофелемъ, у менѣе заботливыхъ домохозяевъ нѣтъ даже хлѣба, — настаетъ самая лучшая пора рыбной ловли. Хайрюзъ, зимовавшій въ Байкалѣ, почуявъ весну, начинаетъ ходъ въ рѣки. Въ это время Култучане устраиваютъ общественный заѣздокъ на р. Култукъ и затѣмъ поочередно двумя смѣнами находятся при немъ, раздѣляя выловленную рыбу между наличнымъ составомъ очередной смѣны. Такая ловля происходитъ до окончанія хода хайрюза. По вскрытии ото льда Байкала и до осени въ Култукѣ ловятъ хайрюзовъ, омулей (въ послѣдніе годы они не появляются въ Култукѣ) и нѣкоторыхъ другихъ рыбъ, но больше для собственного употребленія и только въ случаѣ очень счастливыхъ улововъ дѣлаютъ запасы въ видѣ соленой рыбы, частію для себя, частію на продажу преимущественно въ Тунку. Жители Култука въ послѣдніе годы имѣютъ еще и другую выгоду отъ рыболовства: они отдали часть берега Байкала, принадлежащаго имъ, въ аренду на четыре года, за что и получаютъ ежегодно 280 р.

Далеко больше рыболовство имѣть значенія для жителей долины нижняго теченія р. Селенги. При своемъ устьи Селенга образуетъ огромную дельту, обильную въ юго-западной части болотами. Въ мѣстахъ незанятыхъ болотами эта долина имѣть плодородную почву, на что указывалъ еще Палласъ. Тамъ, гдѣ почва повыше, она способна для земледѣлія, въ мѣстахъ низкихъ залегаютъ хорошие поевые луга, но жители мало обращаютъ вниманія на сельское хозяйство вообще, трудъ земледѣльца — трудъ тяжелый, онъ плохо прививается къ селенгинцамъ - омулятникамъ. Луга у нихъ топить своими разливами р. Селенга прежде, чѣмъ они успѣютъ снять траву, а если и снимутъ, то не успѣваютъ собрать сѣна, какъ его унесетъ водою; хлѣбъ у нихъ осыпается, прежде чѣмъ они начнутъ его жать, потому что какъ разъ въ это время они ожидаютъ руннаго хода омуля въ рѣку Селенгу; пашутъ они мелко, земля у нихъ выщихивается скоро, потому что навозъ они валить больше за околицу,

чъмъ на поля. Вся ихъ надежда на омуля, для ловли котораго у нихъ существуютъ весьма разнообразные снаряды и приспособленія. Кромъ неводовъ и сѣтей, которыми они ловятъ рыбу какъ въ Селенгѣ, такъ и въ Байкалѣ, для рѣчнаго промысла они употребляютъ еще— ползуны, саки, кривды, ловыги, фителя съ твориломъ и безъ творила и морды, устраиваютъ въ рѣкѣ заѣздки и выколоты. Нѣкоторымъ изъ этихъ снарядовъ трудно пріискать аналогичныхъ среди употребляемыхъ въ другихъ частяхъ обширной Россіи, такъ что таковые приходится считать изобрѣтеніемъ селенгинцевъ. Въ 12—15 верстахъ отъ устья Селенги находится Чертовкинское селеніе, это центръ сбыта омулей осенняго улова, здѣсь съ 6 августа и до второй половины сентября происходитъ ярмарка.

Еще болѣе важное значеніе имѣть рыболовство у бурятъ Ольхонскаго вѣдомства. Территорія Ольхонскихъ бурятъ представляетъ крайне невыгодныя условія для культуры— почва камениста и неплодородна, вслѣдствіе чего земледѣліе существуетъ здѣсь только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, заведенію полеваго хозяйства препятствуютъ и климатическая условія, особенно губительны въ этомъ случаѣ постоянные вѣтры, выдувающіе почву въ мѣстахъ, обнаженныхъ отъ слоя дерновины. Лѣса на материкѣ истреблены, особенно близъ Кутульского улуса, гдѣ находится Дума Ольхонскаго вѣдомства, и Куркутскаго, гдѣ открывается ежегодно съ 15 июня по 15 июля ярмарка преимущественно для сбыта омулей. Пріѣзжающіе на эту ярмарку запасаются дровами заранѣе по дорогѣ въ ближайшемъ лѣсу, отстоящемъ отъ мѣста ярмарки верстъ на сорокъ (близъ селенія Еланцы). Слѣдовательно, за истребленіемъ лѣсовъ, звѣринный промыселъ, какъ и земледѣліе, не можетъ поддерживать существованіе жителей, остается скотоводство и рыболовство. Но скотоводство даетъ только насущное пропитаніе бурятамъ, а добываніе денегъ на уплату ясака и земскихъ налоговъ, на покупку хлѣба и на удовлетвореніе вообще различныхъ потребностей несложнаго бурятскаго обихода зависитъ преимуще-

ственno отъ рыболовства. Рыболовствомъ буряты занимаются не-
только около Ольхона, но нѣкоторые изъ нихъ плаваютъ и въ
Верхнюю Ангару, иные въ качествѣ самостоятельныхъ промышлен-
никовъ, другие въ качествѣ рабочихъ крупныхъ рыбаковъ. Рыболов-
ство у бурятъ ведется на артельныхъ началахъ, артелью управляетъ
башлыкъ,—болѣе опытный рыбакъ, которому вся артель оказываетъ
полное повиновеніе и который однako же за руководительство артелью
не получаетъ никакихъ материальныхъ выгода, выручка отъ продан-
ной рыбы раздѣляется по ровну между членами артели и сообразно
съ затратами, произведенными на обстановку невода. Подобныхъ
артелей на Ольхонѣ существуетъ около сорока. Каждая изъ нихъ
обладаетъ неводомъ, составляющимъ единственный рыболовный сна-
рядъ около Ольхона, при неводѣ полагается двѣ лодки—большая и
малая, первая называется у русскихъ неводникъ, а вторая подъ-
ѣздокъ. Бурята ловятъ рыбу почти круглый годъ. Самой раннею
весной, когда Байкалъ еще покрытъ льдомъ, многія артели съѣзжа-
ются въ бухту Мухур-халъ, гдѣ ледъ, находясь подъ вліяніемъ
вѣтра изъ глубокихъ горныхъ долинъ, растаиваетъ очень рано, и
начинаютъ здѣсь промыселъ, который продолжается все лѣто съ тою
лишь разницею, что по мѣрѣ открытія Байкала ото льда бурята то
разѣзжаются по разнымъ бухтамъ, то снова собираются, засышавъ,
о богатомъ уловѣ въ какомъ-либо мѣстѣ. Около времени ярмарки,
съ 15-го іюня по 15-е іюля, они собираются въ заливахъ Малаго
моря около Ольхонскихъ воротъ. Въ іюль буряты заняты сѣноко-
сомъ на своихъ утугахъ, почему рыболовство нѣсколько затихаетъ,
хотя и не приостанавливается совсѣмъ, бурята по окончаніи трудо-
ваго дня не упустить случая, если погода благопріятствуетъ, испро-
бовать счастія—закинуть неводъ. По минованіи сѣнокоса буряты
рыболовы опять все время посвящаютъ рыболовству и до глубокой
осени промышляютъ рыбу. Съ появлениемъ льда на Байкалѣ буряты
бросаютъ рыболовство; съ этого времени для нихъ начинается празд-
никъ—каждый изъ нихъ рѣжетъ нѣсколько овецъ, быка, или коня;

буряты, живущие впроголодь въ другое время, теперь ъдять до отвала, предаются пьянству, ходить изъ юрты въ юрту, ъздять изъ одного улуса въ другой. Скоро однокоже запасы истощаются, бурята берутся опять за неводъ и начинаютъ чрезвычайно трудный промыселъ — зимній, который и продолжается почти до начала лѣтняго промысла.

Жители прибрежныхъ селеній ведутъ промыселъ по преимуществу на артельныхъ началахъ и довольствуются отъ рыболовства очень малыми выгодами, сравнительно съ крупными рыбопромышленными фирмами, которые ведутъ рыбный промыселъ въ широкихъ размѣрахъ, затрачиваются на обстановку промысла цѣлые капиталы и гонятся уже за большими барышами. Они обладаютъ верстовыми неводами, имѣютъ суда на Байкалѣ, рыбодѣлы и разныи другія хозяйственныя постройки на тоняхъ; однимъ словомъ, обстановка промысла у нихъ лучшая, чѣмъ у мелкихъ рыбаковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и бурятъ; они занимаютъ и самыя лучшія мѣста ловли, арендую ихъ нерѣдко у тѣхъ же крестьянъ; преимущественно въ ихъ рукахъ находится рѣчной промыселъ въ Нижнеангарскѣ. Все это обусловливаетъ то, что крупные промышленники преобладаютъ на Байкалѣ и приготовляемые ими рыбные продукты, — соленый омуль и икра, первенствуютъ на рынкѣ Иркутска. Ловлею омуля крупные промышленники занимаются при помощи наемныхъ рабочихъ, часть которыхъ составляютъ мѣстные крестьяне и буряты того и другого пола, но больше рабочихъ, а именно около двухъ тысячъ, нанимаются еще въ Иркутскѣ, это и есть прославленная ангарщина. Эти послѣдніе рабочіе заслужили славу своею разгульною жизнью въ Иркутскѣ и не особенно твердыми понятіями о собственности вообще. Но такой взглядъ на ангарщину не совсѣмъ справедливъ. На Байкалѣ они совершенно иначе ведутъ себя, тамъ — это мирный народъ, безропотно переносящій тяжелый трудъ и непріглядную обстановку промысла. Не смотря на скученность рабочихъ на мѣстахъ ловли, — надъ ними нѣть никакого полицейского надзора, порядокъ поддерживается только хозяиномъ и его прикащиками. А между тѣмъ

жизнь рабочихъ дѣйствительно такова, что непривычный человѣкъ не вынесъ бы тяжелаго положенія ангарщины. Обыкновенная пища ихъ—сухой хлѣбъ да кирпичный чай; даже рыба дается не всегда. Но особенно поражаетъ въ положеніи рабочихъ на неводахъ неудовлетворительность жилища, собственно отсутствіе жилища, такъ какъ большая часть артелей, видѣнныхъ мною, помѣщается въ корьевыхъ балаганахъ; эти балаганы вполнѣ не защищаютъ ни отъ вѣтра, ни отъ дождя, ни отъ холода, не имѣютъ ни малѣйшихъ приспособленій ни для сидѣнія, ни для лежанія, и весь комфортъ въ нихъ—разложенный на землѣ огонекъ, который своею теплотой долженъ защищать рабочихъ отъ всѣхъ невзгодъ перемѣнчивой прибайкальской погоды. Такой обстановкѣ жизни соотвѣтствуетъ и работа. Рабочіе не знаютъ правильнаго сна, такъ какъ на тоняхъ обыкновенно принято, кромѣ дневной ловли, выкидывать неводъ вечеромъ поздно и утромъ рано, по мѣстному выраженію, — тянуть зорянку утреннюю и вечернюю, на что употребляется почти вся короткая лѣтняя ночь. Не мудрено послѣ этого, что мѣстные рабочіе по окончаніи срока ненавистной для нихъ работы, на которую они загнаны нуждою, не хотятъ наняться и за рубль въ день, тогда какъ раньше работали чуть не за 30 к., а при наступленіи конца срока, какъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, просили во второмъ часу ночи немедленно разсчитать ихъ, принимая минувшую полночь окончаніемъ срока, на который они наняты. Въ подобныхъ же условіяхъ жизни находятся крестьяне собственники неводовъ, промышляющіе артелями по Каргѣ. Но тяжелый трудъ и обстановка облегчается для нихъ тѣмъ, что они хозяева; они нерѣдко смѣняются другими членами семьи, позволяютъ себѣ удовольствіе погулять въ праздничный день на счетъ недѣльного улова рыбы, но главное, что придаетъ энергіи въ работѣ пайщикамъ - собственникамъ — это надежда на хороший уловъ, а затѣмъ и наслажденіе плодами трудовъ своихъ. Между тѣмъ ангарщина лишена всякаго утѣшенія въ этомъ случаѣ; что возможно взять впередъ отъ хозяина въ счетъ заработка, то уже взято, что

прідется получить при разсчетѣ осенью по окончаніи промысла, то не можетъ подать повода къ малѣйшей радости, такъ какъ эта получка сводится обыкновенно къ тремъ—десяти рублямъ, а тамъ холодная зима безъ работы и новый чисто каторжный трудъ на тѣхъ же неводахъ. Не удивительно послѣ этого, что ангарщина предается самому отчаянному разгулу въ Иркутскъ на тѣ нѣсколько рублей, какие попадутъ имъ въ руки.

Цѣны на омуля возрастаютъ уже давно и въ послѣднее время это возрастаніе стоимости омуля пошло очень быстро. Въ Иркутскѣ въ пятидесятыхъ годахъ цѣны на омулей въ розничной продажѣ были отъ 2-хъ до 5 к., въ концѣ 70-хъ годовъ отъ 5 до 10 к., а въ настоящее время отъ 6 и 8 к. до 12 и 18 к. Изъ этого обыкновенно выводить, что омуля стало меньше въ Байкалѣ, тѣмъ болѣе, что цѣнность другой байкальской рыбы—хайрюза совсѣмъ не возрастає такъ быстро: въ пятидесятыхъ годахъ эта рыба продавалась отъ 1 до 10 к. за штуку и въ настоящее время средняя цѣна хайрюза рѣдко превышаетъ 10 к.

И дѣйствительно, исторія рыбаго промысла на Байкалѣ доказываетъ, что Байкалъ бѣдиѣть омулями; можно даже заключить, что въ недалекомъ будущемъ этому промыслу угрожаетъ упадокъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Рыбный промыселъ на Байкалѣ скоро послѣ занятія Байкала русскими сталъ доставлять имъ постную пищу какъ въ видѣ свѣжей, такъ и соленой рыбы. Въ царствованіе Елизаветы Петровны рыбные промыслы Байкала находились въ оброчномъ владѣніи графа Шувалова. Основательный свѣденія о рыбахъ Байкала и о рыболовствѣ на немъ сообщили академики Палласъ и Георги, посѣтившіе Байкалъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Тогда омуля въ Байкалѣ было такъ много, что рыбопромышленники пренебрегали ловлею его въ лѣтнее время и ловили лѣтомъ только осетровъ, составлявшихъ, по словамъ Палласа, богатство промышленниковъ и только осенью заплывали въ рр. Селенгу и Баргузинъ для соленія омулей, доставлявшихъ

насущный хлѣбъ промышленникамъ, а въ рѣки омулей шло столько, что рыбопромышленники успѣвали наловить и засолить, сколько кто желалъ и имѣлъ посуды. Вѣроятно, къ этому времени относится сказаніе о томъ, что въ старину омули шли въ Селенгѣ такъ густо, что по нимъ переходили съ одного берега на другой. Да и нынѣ еще старики на Селенгѣ помнятъ, что ходъ омуля въ Шигаевой прежде бывалъ настолько необыкновеннымъ явленіемъ, что собаки лаяли, глядя на рѣку. Не мудрено поэтому, что во время Палласа и Георги омули были баснословно дешевы, бочка омулей вмѣстительностью въ 1600—2000 омулей стоила на Селенгѣ 30 к., а въ Иркутскѣ 5 р.; мороженые омули продавались по 1 р. за тысячу.

Въ 1813 году по предложению Иркутского Губернатора были собраны свѣденія о рыболовствѣ на Байкалѣ; въ 1816 году губернское начальство издало правила составленія промысловыхъ артелей, устройства рыболовныхъ снарядовъ, а въ р. Селенгѣ установлены межи,—границы, ниже которыхъ до устья запрещалось ловить рыбу во время рунного хода въ рѣку. Въ 1818 году означенное начальство уничтожило межи и запретило ловъ рыбы въ рунный ходъ только въ лопаткахъ (на самыхъ устьяхъ). Безъ сомнѣнія, эти распоряженія были вызваны какою-либо необходимости; необходимость-же могла быть только одна — предупрежденіе безпорядковъ, которые въ свою очередь могли обусловливаться только несоответствиемъ между количествомъ улова омуля и спросомъ на него; съ большой вѣроятностію можно предполагать, что уже тогда почувствовался недостатокъ въ рыбѣ,—спрося на нее стала возрастать съ увеличеніемъ народонаселенія, а между тѣмъ запасъ омуля въ Байкаль сталъ уменьшаться. Но особенно обнаружился недостатокъ въ омульѣ въ тридцатыхъ годахъ (нынѣшняго столѣтія), что видно изъ того, что промышленники, недовольные уловами омуля въ пр. Селенгѣ и Баргузинѣ, стали плавать въ Верхнюю Ангару. Однакоже тогдашніе уловы совсѣмъ нельзя назвать бѣдными сравнительно съ уловами нынѣшняго времени. Такъ, въ 40-хъ годахъ, по свѣденіямъ Пежемского,

въ Верхней Ангарѣ получали до 7,000 бочекъ, въ р. Селенгѣ 1,500 бочекъ и въ р. Баргузинѣ до 1,000 бочекъ, а всего 9,500 бочекъ; по сравненію съ нынѣшними боченками это будетъ не менѣе 15 тысячъ боченковъ, тогда какъ въ настоящее время рѣчной промыселъ даетъ всего около 1,200 боченковъ (по свѣдѣніямъ врача Кирилова). Крупный уловъ въ сороковыхъ годахъ для промышленниковъ однакоже не былъ достаточенъ; они привыкли ловить столько рыбы, сколько желали и имѣли посуды, а не столько, сколько придется, поэтому они всячески старались превзойти другъ друга въ количествѣ улова; каждый старался воспользоваться руннымъ ходомъ омуля какъ можно выгоднѣе для себя, по большей части въ ущербъ другимъ, что вызывало постоянныя жалобы на безпорядки. Администрація въ предупрежденіе безпорядковъ заботилась о составленіи правилъ, командировались чиновники, собирались справки о положеніи промышленности, цѣлесообразность составленныхъ администрациєю правилъ оспаривали промышленники, что вызывало новыя изслѣдованія; дѣло это въ настоящее время въ томъ-же положеніи, что было и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; въ мою бытность на Селенгѣ, тамъ находился чиновникъ изъ Хабаровки для изысканія мѣръ къ прекращенію хищническаго промысла. Къ особеннымъ, надѣлавшимъ много хлопотъ администраціи, жалобамъ, возникшимъ въ 30-хъ годахъ, относятся жалобы на сѣти. Суть этихъ жалобъ, продолжающихся и понынѣ, заключается въ слѣдующемъ. Опытомъ дознано, говорятъ враги сѣтей, что омули, увязнувъ въ ячеяхъ сѣтей, трепетаніемъ своимъ разгоняютъ руна, и гдѣ прошла сеть, послѣ нея долго не бываетъ ни одного омуля, тогда какъ вслѣдъ за однимъ неводомъ другой ловить иногда больше первого. Руна омулей разгоняются сѣтями и омули даютъ ходъ раздробительный. Нельзя, конечно, оспаривать то, что дознано опытомъ, но тѣмъ не менѣе трудно согласиться, что именно по этой причинѣ возбуждено гоненіе противъ сѣтей; ведь сѣти существовали и при Палласѣ т. е. еще въ прошломъ столѣтіи, однакожъ тогда никто на нихъ не жаловался, значитъ въ то время

рыбы въ Селенгѣ хватало и для сѣтовщиковъ и для неводчиковъ. Если предположить, что жалобы на сѣти обусловливались особымъ развитіемъ этого рода промысла въ тридцатыхъ годахъ, то такое предположеніе приведетъ насъ къ тому же заключенію объ уменьшении омуля въ Селенгѣ: промыселъ неводомъ сталъ невыгоденъ, вотъ и завели сѣти тѣ изъ промышленниковъ, которые могли это сдѣлать, а тѣ, что остались съ неводами, стали жаловаться на гибельное вліяніе сѣтей на ихъ промыселъ. Въ сороковыхъ годахъ порядки промысла на Селенгѣ осложнились новымъ обстоятельствомъ: въ 1844 году устья Селенги отошли оброчною статью Иркутскому Архіерейскому дому. Арендаторы этой статьи первые встрѣчали омулей въ Селенгѣ и конечно выше ихъ тоней трудно было ожидать хорошихъ улововъ. Это обстоятельство дало поводъ къ новымъ жалобамъ, а сѣтовому промыслу новый толчекъ къ развитію. Если арендаторы впередъ встрѣчали руна омулей, чѣмъ промышленники въ Шигаевой и Чертовкиной, то сѣтовщики старались упреждать арендаторовъ, встрѣчая руна омулей на Лопаткахъ т. е. еще въ самомъ Байкалѣ предъ входомъ въ устья Селенги. Въ настоящее время устья Селенги не состоять уже въ числѣ оброчныхъ статей Архіерейского дома, но сѣтовой промыселъ процвѣтаетъ.

Въ Верхней Ангарѣ промыселъ происходилъ также съ большими беспорядками и сопровождался постоянными недоразумѣніями между промышленниками. Прежде всего спорили изъ-за права ловли. Тунгусы считали рр. Верхнюю Ангару и Кичеру своими, Баргузинскіе промышленники тоже присваивали ихъ себѣ на правахъ первенства— они первые открыли промыселъ въ этихъ рѣкахъ; Иркутскіе промышленники не признавали правъ ни тѣхъ, ни другихъ, а считали Верхнюю Ангару и Кичеру свободными для промысла всѣмъ желающимъ. При такихъ взглядахъ на собственность этихъ рѣкъ, самый промыселъ въ нихъ производился съ большими беспорядками,— рыбъ не давали войти въ рѣки, а хватали ее неводами предъ устьями въ самомъ Байкалѣ, спѣша обогнать другъ друга. Въ разрѣшеніе спо-

ровъ о собственности рѣкъ Верхней Ангары и Кичеры въ 1836 году Сибирскій комитетъ издалъ слѣдующее постановлѣніе, вошедшее частію въ сводъ законовъ, — «воды Байкала при мѣстахъ населенныхъ оставлять въ общемъ свободномъ для всѣхъ пользованіи, исключая тѣхъ, кои нынѣ принадлежать или впредь будутъ причислены къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ; рѣки внутри дачь общественныхъ протекающія и въ Байкалъ впадающія оставлять въ пользованіи прибрежныхъ обществъ впредь до усмотрѣнія, если не дано имъ или инымъ людямъ особаго права или преимущества пользоваться сими рѣками; на сѣмъ основаніи и рыболовство въ Верхней Ангарѣ и Кичерѣ должно оставаться въ пользованіи прибрежныхъ тунгусовъ; вокругъ же острововъ, лежащихъ въ Байкалѣ предъ впаденіемъ въ него Верхней Ангары и Кичеры, рыболовство должно быть для всѣхъ свободнымъ впредь до усмотрѣнія». Но это постановлѣніе дѣла не разъяснило, — въ Байкалѣ противъ устья Верхней Ангары и Кичеры острововъ нѣтъ, а есть острова въ самыхъ устьяхъ рѣкъ. Строгое примѣненіе этого постановленія вызвало бы новыя недоразумѣнія. Болѣе опредѣленныя правила для ангарскаго рыболовства были изданы въ 1876 году Главнымъ Управлѣніемъ Восточной Сибири; но они явились иѣсколько поздно, — въ сорокъ лѣтъ существованія ничѣмъ неограниченаго лова рыбы, промышленники выработали свои правила, которыя по традиціи существуютъ, кажется, и въ настоящее время; отдаленность края способствуетъ сохраненію этихъ правилъ, въ основаніи ихъ лежитъ полная эксплоатациѣ руинныхъ ходовъ безъ малѣйшей заботы о будущемъ. Результатомъ вышеизложенной постановки промысла было пониженіе улововъ. Такъ по свѣдѣніямъ Пежомскаго, въ первые годы по открытіи промысла, какъ я сказалъ уже, промышляли въ Верхней Ангарѣ 7 тысячъ бочекъ въ годъ, затѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ уловъ понизился до 3,500 бочекъ, въ шестидесятыхъ годахъ — до 1,500 бочекъ, а въ настоящее время около 900 боченковъ (834 боченка по Кирилову).

Естественно предположить, что промышленники, заботившиеся увеличением уловов омуля и видя въ тоже время постоянное уменьшение его ручных ходовъ, обратятся за рыбой къ самому Байкалу. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. По мѣрѣ уменьшения улововъ въ рѣкахъ, промышленники все болѣе и болѣе увеличивали морской промыселъ т. е. ловъ омуля въ самомъ Байкалѣ. Въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельству Палласа, промысла омуля въ самомъ Байкалѣ, какъ я уже сказалъ раньше, не существовало. По сообщенію Нежемского въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Байкалѣ уже вылавливали отъ 1 до 2 миллионовъ рыбъ; въ то время невода имѣли въ длину отъ 100 до 300 сажень, сѣти-же были такой позначительной длины, что для управления ими нужны были два человѣка; на морской промыселъ посвящали время съ начала лѣта до 1-го іюля. Въ настоящее время морской промыселъ представляетъ совершенно иные условія. Невода длиною около сотни сажень я видѣлъ только у крестьянъ въ Култукѣ; такими неводами омулей достать уже нельзя; въ настоящее время омулей ловятъ неводами до 500 сажень длиною и сѣтями по своей длине превосходящими самые невода, да и ловлю такими снарядами производятъ уже не до 1-го іюля, какъ прежде, а до 20-го іюля, или даже до 1-го августа. Кроме того, самое число неводовъ значительно возрасло; въ Кургуликѣ во время Нежемского не ловили, въ Култукѣ Иркутскихъ промышленниковъ тогда также не было; на Бабьей Каргѣ неводовъ въ послѣднее время становится такъ много, что въ наиболѣе скученныхъ мѣстахъ невода, закинутые съ двухъ сосѣднихъ тоней, рисуютъ перепутаться, такъ что обыкновенно во избѣженіе этого посылается отдѣльный рабочій въ лодкѣ «подъ бухту», т. е. держать спускъ (веревку, которой тянуть къ берегу закинутый неводъ) въ предупрежденіе спутыванія.—Увеличеніе времени, посвященного морскому промыслу, увеличеніе числа неводовъ, а также и размѣровъ ихъ, а равно и сѣтей, должно-бы дать соотвѣтственное возвышеніе улововъ,—на самомъ дѣлѣ этого нѣть: въ сороковыхъ

годахъ, какъ разсказываеть Пежемскій, въ однихъ рѣкахъ вылавливали 9,500 бочекъ, т. е. около 15 тысячъ боченковъ, въ настоящее же время и въ лѣтній и въ осенній промыслы при столь увеличенныхъ средствахъ лова добываютъ всего 11,200 боченковъ. Такое несоответствіе въ уловахъ можетъ происходить только отъ того, что омуль въ Байкалѣ стало меньше. И дѣйствительно, прежде они такъ тѣснились къ берегу, что и короткими неводами вытаскивали иногда за одинъ разъ сотни боченковъ, между тѣмъ въ настоящее время, если верстовыми неводами выловятъ за все лѣто сотню боченковъ, то это считается хорошимъ уловомъ; а то бываютъ и такие факты: въ 1886 году въ Култукѣ двумя морскими неводами во весь лѣтній періодъ промысла было добыто всего пять боченковъ, а въ 1887 году тѣ-же невода и ничего не добыли. Между промышленниками существуетъ не безъосновательное мнѣніе, что въ Байкалѣ рыба есть, но только къ берегамъ она близко не подходитъ. Вотъ въ погоню за этими-то омулями и пускаются отчасти сѣтовщики; такимъ образомъ, сѣтовой промыселъ въ Байкалѣ слѣдуетъ считать какъ послѣднюю фазу развитія рыболовства въ Байкалѣ; если и при этомъ способѣ ловли будетъ мало успѣха, то дальше уже будетъ негдѣ и не чѣмъ искать омуля.

Резюмируя изложенное мною обѣ уменьшениі омуля въ Байкалѣ, я долженъ сдѣлать слѣдующее обобщеніе. Въ прошломъ стольтіи Байкалъ изобиловалъ омулемъ. Скученность его во время ручного хода въ рѣки для метанія икры давала возможность съ очень незначительной тратою средствъ и времени производить тогда его ловлю; ловили сначала въ пр. Селенгѣ и Баргузинѣ, затѣмъ, когда въ этихъ рѣкахъ количество рыбы уменьшилось, стали плавать въ Верхнюю Ангару, которая давала богатые уловы всего лѣта двадцать; чтобы удовлетворить спросу, промышленники обратились за омулемъ къ самому Байкалу, но и здѣсь произошло оскудѣніе, чтобы удержать уловы на прежней высотѣ, промышленники увеличиваютъ число и величину неводовъ и время, посвящаемое этому промыслу; наконецъ,

заводятъ сѣти, чтобы ловить омуля и дальше отъ берега, чѣмъ это дозволяетъ неводъ.

Какъ слѣдствіе такой интензивности добыванія омуля, произошли слѣдующія явленія, доказывающія несомнѣнно уменьшеніе количества омуля въ Байкалѣ. 1) Омули не стали появляться во многихъ изъ тѣхъ рѣкъ, въ которыхъ прежде входили и гдѣ служили прежде предметомъ промысла, да и тѣ рѣки, которыхъ сейчасъ посѣщаются омулемъ — обѣднѣли — омуль въ нихъ заходитъ въ незначительномъ количествѣ по сравненію съ прежнимъ временемъ. 2) Область распространенія омуля въ Байкалѣ съуживается. 3) Омули даже не дорастаютъ до своей нормальной величины, они мельчаютъ. Относительно первого обстоятельства имѣются слѣдующія данные. Во времена Палласа и Георги омули заходили въ слѣдующія рѣки: Верхнюю Ангару, Сосновку, Чивиркуй и Ковакъ(?), притоки Чивиркуйскаго залива, Баргузинъ, Селенгу и изъ нея въ Джиду. Изъ послѣдующихъ сведеній о рыбахъ и рыболовствѣ въ Байкалѣ видно, что омули посѣщали и другія рѣки; такъ, къ югу отъ Посольска посѣщались омулемъ притоки Сора: Абрамиха, Большая и Толбузиха, затѣмъ южнѣе Сора — Култучная и въ юго-западномъ углу Байкала — Култукъ, куда омуль заходилъ еще въ 70-хъ годахъ, на что указываетъ и Дыбовскій. Уже Палласъ замѣтилъ сокращенія въ рунныхъ ходахъ; такъ онъ говоритьъ, что въ Хилокѣ прежде заходили омули. Теперь совсѣмъ иное время — омуль не имѣть руннаго хода въ р. Баргузинѣ и ни въ одинъ изъ притоковъ Байкала южнѣе Посольска. Изъ притоковъ Селенги, какъ и Верхней Ангары, тоже не входить ни въ одну рѣку, хотя прежде и заходилъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Да и въ тѣхъ рѣкахъ, въ которыхъ рунный ходъ еще существуетъ, омуль появляется въ такомъ незначительномъ по сравненію съ прошлымъ временемъ и все уменьшающемся количествѣ, что предположеніе о полномъ прекращеніи рунныхъ ходовъ не можетъ считаться невѣроятностію.

Съуживаніе области распространенія омуля состоять въ томъ, что омули въ настоящее время водятся только въ нѣкоторыхъ ча-

стяхъ Байкала, преимущественно около большихъ рѣкъ; это видно изъ расположения мѣстъ ловли омуля; такъ, въ настоящее время омули есть около Селенги, Баргузина, Чивиркуя, Верхней Ангары и Кичеры, а также около Ольхона. Тогда какъ въ прошломъ столѣтіи омули водились во всемъ Байкалѣ, появлялись они и около Лиственничаго и даже въ Нижней Ангарѣ, на что указываетъ Налласъ; послѣдній, указывая на рѣки, въ которыхъ омуль не заходитъ для метания икры, не указываетъ никакоже ни на одно мѣсто Байкала, гдѣ бы омуля не было; напротивъ и Налласъ и Георги отмѣчаютъ мѣста, гдѣ омули были встрѣчены ими въ баснословномъ количествѣ. Въ самое послѣднее время омуля не стало въ Култуке; какъ я сказалъ уже, въ 1886 году тамъ добыто всего 5 боченковъ, а 1887 году ничего не добыли. Что касается уменьшенія величины омуля, то на это могутъ указывать слѣдующія данныя. По извѣстіямъ академиковъ, въ концѣ прошлаго столѣтія омули были длиною около 2-хъ футовъ, а вѣсомъ до 4 ф., большая же часть ихъ отъ 14 до 16 дюймовъ т. е. отъ 352 до 402 миллиметровъ. Въ настоящее время размѣры омулей мельче. Изъ улова около 1000 рыбъ, привезенныхъ для продажи на Ольхонскую ярмарку 25 июня 1886 года (въ мою бытность тамъ), самый крупный омуль былъ въ 345 милли. и почти 5% было омулей, по мѣстному выражению «задыхъ», т. е. мелкихъ, величиною всего около 150 до 220 милли. Изъ пятидесяти экземпляровъ омулей, выловленныхъ въ сентябрѣ 1886 г. около Ольхона и присланныхъ мнѣ въ Иркутскъ, самый крупный былъ въ 318 милли., а остальные отъ 116 до 284 милли.; крупнѣе омули, вылавливаемые на Каргѣ около Посольска, но и они не болѣе 380 милли. Судя по экземплярамъ соленыхъ омулей, баргузинскіе омули мельче ольхонскихъ, ангарскіе лѣтніе такие же какъ ольхонскіе, а ангарскіе осенніе по своей величинѣ подходятъ къ каргинскимъ, ловимымъ около Посольска. Только омули вылавливаемые въ Селенгѣ достигаютъ 400 милли. Что касается крупныхъ омулей, которые-бы соотвѣтствовали двухфутовымъ, встрѣчавшимся въ прошломъ столѣтіи,

то такихъ мнѣ видѣть не пришлось, но по разсказамъ рыбопромышленниковъ они есть, хотя и встречаются весьма рѣдко; ихъ называютъ «голомянными» омулями. Мнѣ подъ названіемъ голомянного омуля удалось видѣть одного на Каргѣ около Посольска, но величиною онъ былъ всего въ 410 миллиметровъ. Фактъ уменьшенія величины омулей едвали можетъ быть оспариваемъ, потому что свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ люди—рыбопромышленники заявили объ немъ на засѣданіи, бывшемъ въ мартѣ 1886 г. у Его Сиятельства Иркутскаго Генералъ-губернатора.

Промышленники повсемѣстно на Байкалѣ замѣтили, что рыба ловится годъ отъ году плоше и плоше и по своему стараются объяснить этотъ фактъ. Одни говорятъ, что это только плохіе годы, такъ сказать неурожайное время; другіе объясняютъ это тѣмъ, что рыба стала держаться больше на глуби и не подходитъ къ берегамъ, гдѣ ее пугаютъ пароходы, сѣтовщики, бакланы. Не входя въ подробнѣе разсмотрѣніе этихъ объясненій, я остановлюсь на слѣдующемъ болѣе основательномъ. Нѣкоторые промышленники видѣть причину оскудѣнія Байкала омулемъ въ томъ, что при неводѣ бѣ гибнетъ очень много мелкихъ омулей, еще недостигшихъ того возраста, когда они могутъ идти въ соленѣе. Особенно въ этомъ отношеніи заслужила печальную славу Баргузинская Поливная Карга. Мнѣ передавали, что въ 1884 году около р. Буртуй было выброшено на берегъ такъ много мелкой рыбы, что при гнѣніи она заражала воздухъ и что на это будто-бы подалъ жалобу по начальству Баргузинской городской головы. Если это справедливо, то можно себѣ представить, сколько миллионовъ погублено такимъ образомъ рыбы, которая не далѣе какъ чрезъ два—три года могла бы увеличить уловъ не на одну сотню боченковъ. Нельзя сказать, чтобы промышленники не понимали всего вреда такой гибели молоди, но они не знаютъ, какъ избѣжать этого. Выбрасывать изъ невода мелочь обратно въ воду приноситъ мало пользы,— большая часть ея все таки не оживаетъ — омуль рыба чрезвычайно невыносливая, хилая, да и

отбирать мелочь работа очень кропотливая и требует много времени, а между тѣмъ мелочи попадаютъ въ неводъ на Поясной Каргъ такъ много, что иногда изъ десяти боченковъ, по определению на глазомѣръ, пойманной рыбы, едва наберется на два боченка годной для соленія. Увеличеніе размѣра ячей невода могло бы конечно значительно въ этомъ помочь, но это послѣднее средство не дало бы однакоже возможности вполнѣ избѣжать гибели молоди; гибель происходит не столько отъ мелкочайности неводовъ, сколько отъ сгруживания рыбы неводомъ. Мелочь, захваченная неводомъ въ огромномъ количествѣ, сваливаясь массою, тѣснить и давить другъ друга; крайніе или застреваютъ въ ячейхъ по нѣсколько вмѣстѣ или закрываютъ ячей собою, будучи прижаты къ полотну невода бокомъ. Уничтоженіе мальковъ т. е. недостигшей зрѣлаго возраста рыбы нельзя не считать обстоятельствомъ большой важности и требующимъ непремѣнного устраненія, что можетъ быть достигнуто или запрещеніемъ промысла въ такихъ мѣстахъ,—къ счастію ихъ на Байкалѣ очень немного,—или по крайней мѣрѣ замѣною невода сѣтью. Какъ ни губительно уничтоженіе мальковъ, но оно не всеобще и одно это обстоятельство не могло бы вызвать замѣченаго уменьшенія рыбы во всемъ Байкалѣ, такъ какъ касается только нѣкоторыхъ разностей омуля.

Уменьшеніе омуля въ Байкалѣ нужно объяснять общими причинами, вызывающими уменьшеніе рыбы и въ другихъ бассейнахъ и рѣкахъ. Уменьшеніе рыбы фактъ не новый,—жалобы на него въ Европейской Россіи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія были такъ всеобщи, что вызвали назначеніе по Высочайшему повелѣнію особой комиссіи для изслѣдованія рыболовства въ Россіи; комиссія больше десяти лѣтъ посвятила изученію рыболовства въ различныхъ водахъ Европейской Россіи. Первый предсѣдатель комиссіи академикъ Бэръ обратилъ вниманіе на то, что чѣмъ древнѣе культура извѣстной страны, тѣмъ меньше ловится рыбы въ ея рѣкахъ: рѣки Италіи и Франціи бѣднѣе рыбью рѣки Германіи, рѣки

которой въ свою очередь бѣдище рыбою рѣкъ Россіи и Швеціи, между тѣмъ рѣки отдаленнаго востока Сибири и сѣверныхъ странъ Сѣверной Америки имѣютъ и теперь столько рыбы, что свѣденія о рыбномъ богатствѣ ихъ кажутся баснословными. Рыбы такимъ образомъ не составляютъ исключенія среди другихъ позвоночныхъ животныхъ: какъ большинство звѣрей и птицъ избѣгасть тѣхъ странъ, гдѣ поселился человѣкъ, часто безпощадно преслѣдующій ихъ, такъ и рыбы исчезаютъ тамъ, гдѣ человѣкъ преслѣдуется имъ и пользуется для своихъ промышленныхъ цѣлей водами и ихъ бассейнами, вырубая лѣса и заводя пашни вмѣсто нихъ и оживляя рѣки и озера судоходствомъ. Уменьшеніе рыбы въ этомъ случаѣ Бэръ ставить въ зависимость отъ земледѣлія; оно отнимаетъ для своихъ цѣлей тѣ животные и растительные остатки, которые, попадая прежде въ рѣки и озера, служили поддерживающимъ элементомъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, служащихъ пищею рыбамъ. Съ другой стороны и способы ловли не могутъ не оказывать своего влиянія на количество рыбы; если рыболовство производится такъ, что рыба, входящая въ рѣки для нереста, вылавливается прежде, чѣмъ успѣетъ выметать икру и обеспечить такимъ образомъ рыбную производительность рѣки или озера на слѣдующіе годы, то, конечно, не можетъ быть рыбы и при изобиліи питательныхъ веществъ для нея. То и другое соображеніе дало основаніе Бэру высказать слѣдующее положеніе относительно распространенія рыбы: количество рыбы въ извѣстномъ бассейнѣ прямо пропорционально количеству питательныхъ веществъ для рыбы въ этомъ бассейнѣ, если только достаточное число рыбъ допускается къ мѣстамъ метанія икры. Такъ какъ этимъ положеніемъ исчерпываются возможныя вышеупомянутыя причины уменьшенія рыбы вообще въ какомъ-либо бассейнѣ, то я и перехожу къ разсмотрѣнію условій Байкала въ этомъ отношеніи. Уменьшенія питательныхъ веществъ для рыбы въ Байкалѣ нѣть основаній предполагать. Берега Байкала остались также мало заселенными и мало обработанными, какъ это было и раньше въ

проплодъ столѣтіи, когда Байкалъ изобиловалъ омулемъ. Если бассейнъ р. Селенги заселенъ иѣсколько болѣе прежняго, то бассейнъ Верхней Ангары остался такимъ же безлюднымъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ назадъ, а между тѣмъ Верхняя Ангара оскудѣваетъ омулемъ даже скорѣе, чѣмъ Селенга. Относительно питательныхъ веществъ для рыбы въ Байкалѣ можно предполагать, что они имѣются тамъ даже въ избыткѣ по сравненію съ прошлымъ временемъ, основываясь на слѣдующемъ фактѣ. Промышленники примѣтили, что омули годъ отъ году приваливаютъ къ берегамъ т. е. подходятъ къ нимъ все позже и позже. Какъ ни мало вообще известна жизнь рыбъ, однако же можно заключать, проводя параллель между рыбами и наземными животными, что цѣль этихъ приваловъ разыскиваніе пищи. На это указываютъ иѣкоторые факты, известные и мѣстнымъ рыбакамъ, хотя изъ жизни другой байкальской рыбы — хайрюза. Въ Култуке лѣтомъ 1886 года не было привала хайрюзовъ, которые обыкновенно, какъ и омули, большими стадами подходятъ къ берегамъ въ лѣтнее время, почему ихъ и прозвали «привальными»; фактъ этотъ мнѣ объяснили мѣстные рыбаки тѣмъ, что сильные вѣтры, бывшіе въ периодъ выхода изъ воды поденокъ (по мѣстному бухарокъ), унесли этихъ насѣкомыхъ далеко въ Байкалъ, такъ что хайрюзы, подходя къ берегамъ, встрѣтили пищу (поденокъ) вдали отъ берега и уже не имѣли надобности приближаться къ нему настолько, чтобы ихъ можно было захватить неводомъ. Относительно омуля такихъ разсказовъ нѣть, потому что пища его рыбакамъ неизвѣстна; животныя, ее составляющія, по своимъ незначительнымъ размѣрамъ не доступны для невооруженного глаза. Тѣмъ не менѣе эти мельчайшіе организмы, развиваясь въ большемъ количествѣ близь береговъ, чѣмъ на глубинѣ, и составляютъ вѣроятную причину приваловъ. Прежде, когда омуля въ Байкалѣ было больше, они раньше истребляли пищу на разстояніяхъ отъ берега недоступныхъ неводамъ и раньше входили въ область, захватываемую рыбаками, въ настоящее же время уменьшившееся количество омулей имѣть возможность дольше про-

довольствоваться пищею, какая находится на разстояніяхъ недоступныхъ неводамъ. Этимъ можно объяснить запаздываніе лѣтнихъ приваловъ омуля къ берегамъ.

Переходя къ другой причинѣ, могущей вызвать уменьшеніе рыбы, а именно къ препятствіямъ, представляемымъ рыболовствомъ къ метанію икры рыбою, я долженъ замѣтить, что въ нарушеніи естественныхъ условій икromетанія, безъ сомнѣнія, лежитъ истинная причина уменьшенія омуля въ Байкалѣ.

Рыбы обладаютъ способностію производить яички, икринки, въ огромномъ числѣ. Этотъ фактъ при поверхностномъ взглядѣ можетъ ввести всякаго въ заблужденіе относительно размноженія рыбъ. Линь, напр., содержитъ въ своихъ яичникахъ около 297,000 икринокъ, окунь около 300,000, а треска—несколько миллионовъ. Какое огромное потомство могло бы развиться отъ одной пары окуней въ какіе - нибудь пять - шесть лѣтъ, если бы только десятая часть икры развивалась въ рыбу! На самомъ дѣлѣ развитіе икры идетъ далеко не такъ. Рыбы въ огромномъ большинствѣ не оказываютъ заботы о своемъ потомствѣ. Они бросаютъ свои яички, какъ земледѣлецъ сѣмена, съ тою лишь разницею, что земледѣлецъ заботится о своемъ полѣ: кромѣ приготовленія почвы, онъ очищаетъ посѣвъ отъ сорныхъ травъ, огораживаетъ, охраняя его отъ скота, и если, несмотря на уходъ, поле не всегда даетъ хороший урожай, случается, что пахарь не собираетъ даже и затраченныхъ на посѣвъ сѣмянъ, то тѣмъ менѣе нужно ожидать благопріятнаго развитія икры, оставляемой рыбою, такъ сказать, на произволъ судьбы. Благопріятный исходъ развитія икры зависитъ отъ стеченія чрезвычайно многихъ обстоятельствъ. Выметанная икра должна быть оплодотворена т. е. полита молоками самца,—а это можетъ случиться не всегда или не со всякою икринкою по самому существу вицшняго оплодотворенія, свойственнаго большинству рыбъ. Но если оплодотвореніе произошло, икра должна постоянно находиться въ чистой и свѣжей, богатой кислородомъ, водѣ, иначе икра закроется иломъ или на ней появится

плесень, что погубить ее; икра должна лежать въ укромномъ мѣстѣ, гдѣ ее не нашли бы личники различныхъ насѣкомыхъ, живущія въ водѣ, раки, даже и сами рыбы, которые любятъ лакомиться икрою, а также и водяные птицы—все это враги икры. Далѣе, икра должна быть виѣ вліянія волненія воды; волны могутъ забросать икру пескомъ, или выкинуть ее на берегъ, а сколько опасностей ожидаетъ мальковъ, развившихся изъ тѣхъ немногихъ икринокъ, которые не были погублены неблагопріятными обстоятельствами, такъ какъ эти мальки въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль также беспомощны, какъ и икринки. Такимъ образомъ, развитіе икры зависитъ отъ мѣста, гдѣ она положена. Чѣмъ благопріятнѣе для развитія икры мѣсто нереста, выбранное рыбой, тѣмъ болѣе разовьется изъ икринокъ мальковъ. Вотъ съ этой-то стороны замѣчена въ рыбахъ нѣкоторая заботливость о своемъ потомствѣ. Избирая то или другое мѣсто для нереста, рыбы повидимому мечутъ икру не только тамъ, гдѣ ничего не мѣшаетъ имъ предаваться половымъ удовольствіямъ, но также тамъ, гдѣ икра найдетъ благопріятныя условія для развитія, и выключившіеся мальки благопріятныя условія для жизни. Такая заботливость изъ рыбъ прѣсноводныхъ развита болѣе у семейства рыбъ лососевыхъ, куда принадлежитъ омуль; этой способности какъ-бы восполняется недостатокъ въ числѣ икринокъ лососевыхъ сравнительно съ другимъ обширнымъ семействомъ прѣсноводныхъ рыбъ—съ карповыми. Такъ, изъ карповыхъ рыбъ: лещъ имѣть 140 тысячъ икринокъ, карась—100 тысячъ, сырть—300 тысячъ, карпъ—500 тысячъ, тогда какъ изъ лососевыхъ рыбъ: хайрюзъ имѣть всего 16 тысячъ икринокъ, омуль—10,700 икринокъ, форель и лосось всего по 2 тысячи, байкальской сигъ 48 тысячъ. Кромѣ того, эта же способность болѣе тщательно отыскивать мѣсто метанія икры, быть можетъ, уравновѣшиваетъ то невыгодное для развитія икры обстоятельство, что большинство лососевыхъ рыбъ мечутъ икру осенью, вслѣдствіе чего развитіе ея идетъ медленно; всѣ тѣ неблагопріятныя условія, которые вообще губятъ икру и мальковъ, здѣсь,

значить, действуют сугубо,— въ большій промежутокъ времени. Рзыскивая мѣста для метанія икры, многія лососевые рыбы совершаютъ большія передвиженія. Живя въ моряхъ или озерахъ, онъ для нереста идутъ въ рѣки, удаляясь въ нихъ отъ устья иногда на цѣлые сотни верстъ. Такія передвиженія рыбъ Миддендорфъ сближалъ съ извѣстнымъ явленіемъ перелета птицъ и назвалъ кочеваниемъ рыбъ. Омуль принадлежитъ къ такимъ кочующимъ рыбамъ. Около периода метанія икры омуль собирается большими стадами и идетъ въ рѣки, по мѣстному, даетъ рунный ходъ. Гдѣ именно въ рѣкѣ и какъ именно мечеть икру омуль съ точностью неизвѣстно, какъ и вообще о большей части лососевыхъ рыбъ; извѣстно только, что войдя въ рѣки въ концѣ августа или въ началѣ сентября, омуль около рѣкостава начинаетъ скатываться обратно въ Байкалъ уже безъ икры. Но руководствуясь точными наблюденіями шведскаго ученаго Кейлера надъ метаніемъ икры лососемъ, а также и нѣкоторыми другими наблюденіями, можно предположить, что большая часть лососевыхъ рыбъ, а также и омуль, мечутъ икру отдельными парами, въ мѣстахъ, гдѣ ихъ никто не тревожить и гдѣ они нашли подходящее мѣсто для нереста, вслѣдствіе чего явленіе нереста ускользаетъ отъ наблюденія рыбаковъ, а кромѣ того, основываясь на томъ общемъ наблюденіи, что рыбы, за исключеніемъ развѣ одной только щуки, въ периодъ нереста крайне осторожны и пугливы, можно вывести, что для успешнаго хода метанія икры необходимо, чтобы рыба во время отысканія нерестовыхъ мѣстъ и во время самаго нереста не была задерживаема никакими рыболовными снарядами, ни городьбою въ рѣкѣ, ни сѣтями, ни неводами; вообще необходимо, чтобы рыба спокойно, безъ всякой тревоги человѣкомъ, вошла въ рѣку и отыскала мѣсто для нереста, и чѣмъ выше по теченію рѣки будетъ выметана рыбью икра, тѣмъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія потомства она будетъ находиться, потому что чѣмъ ближе къ верховью рѣки, тѣмъ вода въ ней быстрѣе, богаче кислородомъ и содержитъ менѣе ила, а также и менѣе животныхъ—

враговъ икры, и наобороть, чѣмъ ближе къ устью рѣки рыба оставить икру, тѣмъ менѣе разовьется изъ нея рыбы. Удовлетворяется ли рациональному рыбному хозяйству постановка рѣчного промысла омуля въ рѣкахъ - притокахъ Байкала? Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Весь промыселъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше захватить омулей. Ко времени руинаго хода собираются къ устьямъ рѣки промышленники въ огромномъ числѣ и не одна тысяча народа занята ловлею омуля различными снарядами, между которыми первое мѣсто занимаетъ рѣчной неводъ. Если имѣть въ виду только ловъ, дозволенный существующими правилами для осенняго рыболовства въ рѣкахъ Верхней Ангарѣ и Селенгѣ, то можно видѣть сколько препятствій принятые способы ловли представляютъ омулю на пути къ нерестовымъ мѣстамъ. Въ Верхней Ангарѣ, достигнувъ межъ дозволенного лова, отстоящихъ на двѣ версты отъ устья, руна омулей должны миновать пять или шесть неводныхъ тоней; эти тони расположены одна возлѣ другой, на каждой стоитъ около десятка неводовъ и во время руинаго хода всѣ невода поочередно закидываются и при томъ такъ, что рѣка постоянно заграждена ими и это продолжается во все время руинаго хода. Въ Селенгѣ такой скученности неводовъ нѣть, около межъ расположены только двѣ тони (Суворовская и Братская), а затѣмъ на нѣсколько верстъ идуть мѣста неудобныя для неводѣбы, но за то промышленники, какъ только руна пройдутъ первыя тони, спѣшать со своими неводами впередъ и обогнавъ омулей, встрѣчаютъ ихъ опять на верхнихъ тоняхъ своими неводами. Кромѣ прямаго вліянія на уменьшеніе омулей путемъ вылавливанія ихъ предъ временемъ нереста, рѣчной промыселъ оказываетъ много препятствій размноженію косвеннымъ путемъ. Такъ при входѣ въ Селенгу омули задерживаются сѣтовщиками; какъ велико это препятствіе, можно судить по количеству сѣтей, употребляемыхъ при этомъ ловѣ; длина ихъ по умѣренному разсчету около 30 тысячъ саженъ т. е. около 60 верстъ. Такое количество сѣтей, выкидываемое ежедневно по нѣсколько разъ противъ устья Селенги и сравнительно

на небольшомъ пространствѣ, не можетъ не задержать рыбу хотя на нѣкоторое время отъ входа въ рѣку и тѣмъ нарушить естественный порядокъ рунныхъ ходовъ. Съ другой стороны и вошедшая въ рѣку рыба и избѣгнувшая такъ или иначе угрожавшихъ ей сѣтей и неводовъ, истомляется въ борьбѣ съ теченіемъ, такъ какъ почти во всякой заводи, т. е. тихомъ мѣстѣ, гдѣ рыба могла бы отдохнуть, поставлены разныя ловушки промышленниковъ-одиночекъ, а истомившись, рыба выметываетъ икру, гдѣ попало; между тѣмъ при нормальномъ порядкѣ она вошла бы въ рѣку дальше отъ устья и оставила бы икру въ болѣе подходящихъ условіяхъ для развитія потомства. Тысячи народа на неводныхъ тоняхъ, ожидая руннаго хода, несколько не стараются о соблюденіи тишины, что тоже имѣеть неблагопріятное влияніе на ходъ рыбы. На Селенгѣ мнѣ разсказывали слѣдующій фактъ, замѣченный промышленниками. Омули подойдя къ межамъ, за которыми ихъ ожидаютъ промышленники, ложатся въ ямы и лежать тамъ нѣсколько дней, такъ что въ жабрахъ ихъ заводятся какіе-то черви; такъ какъ это явленіе повторялось изъ года въ годъ, то по просьбѣ промышленниковъ межи были перенесены ближе къ устью, но и здѣсь повторилось тоже самое; подходя къ первой тонѣ, омули ложатся на дно и какъ-бы не рѣшаются пуститься въ дальнѣйший путь мимо становищъ промышленниковъ. Этотъ фактъ объясняется легко, если мы допустимъ, что рыба боится шума, который производятъ артели неводчиковъ, ожидающихъ руннаго хода. Въ Норвегіи, говорятъ, запрещается не только шумъ около береговъ въ періодъ метанія икры рыбой, но и благовѣсть въ церквяхъ прибрежныхъ селеній для того, чтобы не пугать рыбу.

Какъ губительна постановка рѣчнаго промысла, сознаютъ и сами промышленники. Практикъ въ этомъ дѣлѣ Пежемскій еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ писалъ, что «вѣроятно не многимъ изъ нея (рыбы - омуля) счастливцамъ удается не то что возвратиться въ Байкалъ, но исполнить даже назначеніе природы» (выметать икру). Случайный наблюдатель рѣчнаго промысла въ р. Верхней Ангарѣ,

Радде, полагаетъ, что главнѣйшая причина убыли рыбы въ Байкалъ— «самъ человѣкъ въ своемъ грубомъ поведеніи или безумиомъ пренебреженіи законовъ природы».

Радде для обезпеченія рыболовства въ Верхней Ангарѣ считалъ достаточнымъ запретить промышленникамъ ловъ рыбы съ 1-го августа по 1-е октября въ самыхъ устьяхъ рѣки и предъ ними на протяженіи двухъ верстъ какъ въ самій Байкалъ, такъ и вдоль береговъ его. Это предложеніе, которымъ руководствовались при составленіи въ 1872 году существующихъ нынѣ правилъ рыболовства въ Верхней Ангарѣ, однако же недостаточно,— только полное запрещеніе рѣчного промысла во время руннаго хода въ рр. Верхней Ангарѣ и Селенгѣ можетъ при сравнительно небольшихъ потеряхъ для рыбной промышленности обеспечить рыбную производительность Байкала. Подобныя узаконенія существуютъ въ Россіи. Такъ, напр., въ заключенной со Швеціею конвенціи ясно опредѣляются всѣ мѣры и способы къ огражденію пограничной рѣки Торнео отъ ловли рыбы лососеяй породы въ то время, когда эта рыба заходитъ въ рѣки для метанія икры. Введеніе подобныхъ правилъ на Байкалъ не можетъ вызвать большаго ущерба рыбопромышленности. Потеря рѣчной ловли омуля можетъ замѣниться промысломъ въ самомъ Байкалѣ во время августа и сентября. Въ настоящее время морской промыселъ оканчивается около 20-го іюля и только въ послѣднее время иные промышленники стали продолжать его до 1-го августа. По окончаніи этого срока промышленники сѣѣшь въ рѣки, где ожидаютъ руннаго хода. Съ закрытіемъ-же рѣчного промысла, морской промыселъ будетъ продолжаться до октября, слѣдовательно ловлѣ въ Байкалѣ будетъ посвящаться вдвое болѣе времени, чѣмъ посвящается въ настоящее время. Естественно ожидать, что и уловы омуля возрастутъ если не вдвое, то ужъ во всякомъ случаѣ промышленники наловятъ столько, сколько сейчасъ добываютъ въ рѣкахъ. Между промышленниками распространено мнѣніе, что они оканчиваютъ промыселъ въ Байкалѣ въ то время, когда омули перестаютъ уже появляться у береговъ, но это мнѣніе

не имѣть основанія ни въ самомъ ходѣ развитія промысла, ни въ настоящемъ его состояніи. Въ пятидесятыхъ годахъ оканчивали морской промыселъ около 1-го іюля, а въ настоящее время оканчиваютъ его около 20-го іюля или 1-го августа. Очевидно, что окончаніе промысла въ самомъ Байкалѣ обусловливается совсѣмъ иными соображеніями. Съ другой стороны ольхонскіе буряты производятъ промыселъ весь годъ, прекращая его только тогда, когда Байкалъ недоступенъ—поздней осенью. Этотъ фактъ указываетъ на то, что омули въ Байкалѣ есть всегда и что они не всѣ идутъ въ рѣки для метанія икры; на это послѣднее обстоятельство указывалъ и Георгі. Такимъ образомъ, потеря въ количествѣ общаго улова омуля по запрещеніи рѣчнаго промысла можетъ быть возмѣщена за время продолженнаго периода морской ловли.

Введеніемъ запрещенія рѣчнаго промысла можно достигнуть, кромѣ обеспеченія рыболовства, благопріятныхъ результатовъ въ положеніи рабочихъ, нанимаемыхъ для работы на неводахъ, и въ положеніи крестьянъ, занимающихся осеннею ловлею омуля въ р. Селенгѣ. Въ положеніи рабочихъ въ настоящее время особенно поражаетъ неудовлетворительность жилищъ и вообще отсутствіе осѣдлости. Съ закрытіемъ же рѣчнаго промысла промышленникамъ не будетъ обременительно построить казармы для рабочихъ и разныя другія хозяйственныя постройки на тоняхъ, такъ какъ тогда весь рыболовный periodъ съ мая до октября рыбаки будутъ жить на одномъ мѣстѣ.

Что касается крестьянъ селеній бывшей Ильинской волости, расположенныхъ въ широкой дельтѣ Селенги, то положеніе ихъ было-бы далеко лучше, еслибъ не существовало рѣчнаго промысла. Ожидая въ Селенгѣ рыбы, крестьяне, какъ я сказалъ уже выше, теряютъ время уборки хлѣба и вообще мало заботятся о своемъ хозяйствѣ, надѣясь на счастливую ловлю омулей въ Селенгѣ; экономическое положеніе ихъ годъ отъ году ухудшается, такъ какъ надежды ихъ на рыбу въ послѣднее время не оправдывались. Съ за-

крытиемъ рѣчнаго промысла они должны будуть обратиться къ болѣе надежному, хотя и къ менѣе легкому труду земледѣльца. Я не считаю себя въ дѣлѣ рыбопромышленности компетентнымъ настолько, чтобы рекомендовать мѣры, какими можно достигнуть закрытия рѣчнаго промысла; я могу только сказать, что наиболѣе цѣлесообразный способъ для этого могутъ указать сами промышленники. Съ этой стороны рыбопромышленность Байкала находится въ благопріятныхъ условіяхъ, потому что ею владѣютъ преимущественно немногія крупныя фирмы; представители этихъ фирмъ могли бы составить рыбопромышленное товарищество и взять въ исключительную аренду Верхнюю Ангару, что будетъ стоить около 1000 р. въ годъ, подъ условіемъ установить правильный надзоръ за тѣмъ, чтобы никто не ловилъ въ ней омуля въ періодъ метанія имъ икры. Полная свобода, предоставленная размноженію омуля въ Верхней Ангарѣ, не замедлила-бы сказаться чрезъ два-три и самое большее четыре года увеличеніемъ улововъ въ предѣлахъ распространенія ангарскаго омуля; это увеличеніе заставило-бы и селенгинцевъ подумать о прекращеніи рѣчнаго промысла.

Въ заключеніе я изложу тѣ положенія относительно омуля и добыванія его, развитіе которыхъ составляло преимущественную цѣль моего сообщенія:

- 1) Существованіе омуля въ Байкалѣ связано съ болѣе значительными притоками этого озера; они приносятъ материалъ для развитія животныхъ, составляющихъ пищу омуля, они-же служать мѣстомъ размноженія этой рыбы.
- 2) Количество омулей въ Байкалѣ уменьшается.
- 3) Причина этого—существованіе рѣчнаго промысла, препятствующаго размноженію омулей.
- 4) Для поддержанія рыбной производительности Байкала необходимо ввести правила, охраняющія омуля въ періодъ его размноженія.

5) Главное изъ такихъ правилъ— закрытие рѣчного промысла— можетъ быть достигнуто безъ ущерба рыбопромышленности, увеличеніемъ времени, посвящаемаго ловлѣ омуля въ самомъ Байкалѣ.

Не желая утруждать излишними подробностями слушателей, я не обратилъ ихъ вниманіе на обмелѣніе устьевъ Селенги, какъ на причину, могущую вызывать уменьшеніе запаса омулей въ Байкаль. Въ бытность свою на Селенгѣ я не слышалъ подобнаго мнѣнія отъ тамошнихъ промышленниковъ, а имѣющіяся по этому вопросу данныя считалъ не настолько важными, чтобы говорить объ нихъ; между тѣмъ, какъ при самомъ докладѣ, такъ потомъ и въ мѣстной печати («Восточное Обозрѣніе» № 19 1888 г.), было указано на существенное значеніе обмелѣнія притоковъ Байкала въ ежегодныхъ передвиженіяхъ омуля изъ озера въ рѣки; вслѣдствіе чего не могу не изложить здѣсь нѣкоторыхъ данныхъ, касающихся этого вопроса. Селенга при своемъ устьѣ раздѣляется на много рукавовъ и несетъ огромное количество песка и ила, которые, осаждаясь въ рукавахъ при замедленіи теченія и въ самомъ Байкаль при отстаиваніи воды, весьма естественно, дѣлаютъ какъ самые рукава, такъ и прилегающую къ нимъ часть озера все мельче и мельче. Особенно значительно передвиженіе твердаго материала Селенгою во время ея разливовъ, которые бываютъ очень часто, такъ какъ уровень этой рѣки измѣняется при весеннемъ таяніи снѣга, при осеннихъ дождяхъ, а также и при таяніи снѣговъ на горахъ лѣтомъ. При разливахъ Селенга становится крайне капризною и наносить значительный вредъ хозяйству жителей: забрасываетъ иломъ покосы и поля, отрываетъ значительные участки земли отъ береговъ, пролагаетъ новые рукава, портить «дресвы» (рѣчныя тони) тѣмъ, что наносить на нихъ валежникъ, колоды и пр. Подобное разрушительное дѣйствіе Селенги зависитъ частію отъ быстроты ея теченія, частію отъ рыхлости породъ, составляющихъ берега рѣкъ, а равно и всю дельту ея. Главныхъ рукавовъ Селенги, изъ которыхъ каждое называется устьемъ, различаютъ шесть: Шаманка, Хараузъ, Галутуй, Средній,

Колпинский и Съверный. Отдѣливъ отъ себя около Чертовкиной нѣсколько рукавовъ, дающихъ восточная устья (четыре послѣднихъ), Селенга идетъ далѣе къ Байкалу въ одномъ руслѣ и только въ 6 или 8 верстахъ отъ него раздѣляется на два рукава: Шаманку, въ которой находится пристань, гдѣ зимуютъ селенгинскіе пароходы, и Хараузъ, единственный изъ рукавовъ Селенги, не закрытый со стороны Байкала песчаными отмелями, называемыми Лопатками; въ немъ находится Усть-Селенгинская пароходная пристань, чрезъ пего же поднимаются въ Селенгу омули. По этой послѣдней причинѣ крестьяне, какъ миѣ рассказывали на Селенгѣ, не дали своего согласія на устройство здѣсь пристани, а указали для нея мѣсто въ Съверномъ устьѣ, чрезъ которое обыкновенно омули не поднимаются, хотя въ 1883 году они прошли въ Селенгу именно этимъ рукавомъ. Морскіе пароходы (Байкальскіе) не доходятъ до Усть-Селенгинской пристани; этому препятствуетъ находящаяся противъ устья Харауза въ Байкалѣ мелководная полоса, которая однаже вполнѣ доступна для рѣчныхъ пароходовъ, такъ какъ глубина ея, по словамъ судовщиковъ, не бываетъ менѣе семи четвертей аршина; ширина этой полосы не значительна,— находясь при устьѣ Харауза, я ясно видѣлъ рыбаковъ, производящихъ запретный ловъ сѣтями, что возможно на глубинѣ далеко превосходящей семь четвертей. Пароходство по Селенгѣ до Усть-Селенгинской пристани производится безпрепятственно; проплыть два раза Селенгу отъ Чертовкинскаго селенія до устья Харауза, на лодкѣ и на пароходѣ, я нахожу крайне страннымъ сообщеніе Сельскаго (Вѣст. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1853 г. кн. IV) о томъ, что крестьяне Ильинской волости расчищали Селенгу для хода омулей, на самомъ дѣлѣ доступную не только для рыбы, но и для судовъ и пароходовъ. Ошибка Сельскаго состоить въ томъ, что онъ невѣрно объяснилъ ежегодныя расчистки вышеупомянутыхъ «дресвъ», которыя предъ ходомъ омуля съ большимъ трудомъ освобождаются рыболовными артелями отъ карчъ и валежника, нанесенныхъ водою и препятствующихъ неводной ловлѣ; такія расчистки не имѣютъ ни-

какого отношения къ обмелѣнію рѣки, хотя могутъ оказывать большее влияніе на уловъ рыбы; не расчисти рыбаки тони, они при первомъ же закидываніи неводовъ порвали-бы ихъ, не поймавъ ни одной рыбы, и на оборотъ,—чѣмъ тщательнѣе произведена расчистка тони, тѣмъ увѣреннѣе работаютъ рыбаки, тѣмъ дальше въ рѣку они могутъ выметать неводъ и тѣмъ больше захватятъ рыбы.

Обмелѣніе устьевъ рѣкъ можетъ оказывать вредное влияніе на ходъ рыбы по двумъ обстоятельствамъ: или мели становятся на пути рыбы такимъ препятствиемъ, которое заграждаетъ для нея доступъ въ рѣку; или рѣка, задерживаемая мелями и разливаясь широко, течетъ настолько медленно, что рыба не можетъ разыскать входа въ рѣку, такъ какъ не можетъ чувствовать столь медленного теченія. Первое обстоятельство не можетъ имѣть значенія въ р. Селенгѣ; съ одной стороны, большая часть проходныхъ рыбъ, пробираясь къ нерестовымъ мѣстамъ, преодолѣваетъ нерѣдко небольшіе водопады и пороги; рыбы идутъ вверхъ по рѣкѣ и по такимъ мелкимъ мѣстамъ, гдѣ вода не можетъ прикрывать ихъ тѣла, такъ что спинной плавникъ выставляется изъ воды; съ другой стороны Селенга въ своемъ нижнемъ теченіи представляетъ настолько глубокую рѣку, что по ней, какъ сказано выше, свободно ходятъ суда и пароходы, а наиболѣе мелкія мѣста не менѣе семи четвертей аршина. Что касается втораго обстоятельства, то оно также не можетъ оказывать вреднаго влиянія на ходъ рыбы. Селенга впадаетъ въ самой узкой части Байкала (всего 20 верстъ, по Черскому), и потому не можетъ не оказывать массою приносимой воды вліянія на передвиженіе воды въ самомъ Байкалѣ и тѣмъ дѣлать замѣтнымъ свое присутствіе въ озерѣ на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ своего устья. И дѣйствительно, мѣстные рыбаки знаютъ, что около Боярской станціи, верстахъ въ сорока отъ устья Селенги къ югу, существуетъ теченіе воды въ Байкалѣ; выкинутые невода имѣютъ постоянно поступательное движеніе вдоль берега; это движеніе должно быть расчитано башлыкомъ, въ противномъ случаѣ неводъ вынесеть изъ

предъловъ тони и насадить его на колоду или камень. Мѣстнымъ рыбакамъ известно также, что омули, находясь еще въ Байкалѣ, могутъ различать не только Селенгинскую воду, но и Удинскую, смѣшивающуюся съ Селенгинской въ разстояніи 150 верстъ отъ Байкала; Удинской воды омули не любятъ, говорятъ рыбаки, и когда прибыль воды въ Селенгъ зависитъ отъ разлива Уды, то омули не идутъ изъ озера въ рѣку. Все это данные, мнѣ кажется, настолько убѣдительныя, что заявлять о гибельномъ влїніи обмелѣнія Селенги на запасы омуля въ Байкалѣ пока нѣть основанія.

По напечатаніи въ этой статьѣ замѣчены слѣдующія опечатки:

Страница	Строка	сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3	19	„	бурята	буряты
4	16	„	бурята	буряты
4	19	„	бурята	буряты
5	20	„	Entomostraca	Entomostraca
7	11	„	Корга	Карга
8	4	„	бурята	буряты
15	15	„	бурята	буряты
15	20	„	бурята	буряты
16	3	„	бурята	буряты
16	24	„	Иукутскѣ	Иркутскѣ